

УДК 316.74

К.Е. Медведев

**КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГИБРИДИЗАЦИИ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ**

Современная молодежь живет в социальном времени постсубкультур, динамичного смешения стилей, идеалов, культурных атрибутов. Это ставит задачу использования релевантных моделей культурных процессов при разработке механизмов государственной внутренней политики. Одной из таких концепций является модель культурной гибридации, созданная современным английским социологом Д. Блумом на основе эмпирических данных по постсоветскому пространству. В статье представлены результаты теоретического осмысления этой теории применительно к задачам отечественной молодежной политики.

Молодежная культура, культурная гибридизация, государственная молодежная политика, инклюзивная культура

К.Е. Medvedev

THE CULTURAL HYBRIDIZATION CONCEPT IN NATIONAL YOUTH POLICY

Modern young people live in the social time of post-subcultures, fast mixture of styles, ideals, and other cultural attributes. This context implies usage of new relevant models of cultural processes during development of mechanisms for the national youth policy. One of the concepts is the model of cultural hybridization developed by D. Blum on the basis of empirical data of the post Soviet social environment. This article is devoted to theoretical analysis of the given theory against the problems relating the national youth policy.

Youth culture, cultural hybridization, national youth policy, inclusive culture

Актуальность. Ускоряющееся развитие глобализации, распространение постмодернистских ценностей в современном обществе обуславливают задачу разработки новых методов стратегического регулирования внутренней политики государства, направленных на конструирование инклюзивной культуры и гражданской идентичности молодежной когорты. Привычные решения этой проблематики формируются на базе традиционных патерналистских представлений, основным методом регулирования молодежной идентичности становится контроль всех сфер деятельности до момента достижения человеком определенного культурного, социального и возрастного эталона, после которого индивид считается нормальным членом общества.

В контексте глобализации подобная модель оказывается неэффективной, её культурные практики и ценности обладают слабой степенью инклюзии и социокультурной интеграции. Развитие технологий связи и транспорта, культурная эмансипация, процессы деактуализации традиции в качестве метода воспроизводства культуры постепенно ослабляют эффективность классических субъектно-объектных схем управления. Патерналистская методология конструирования молодежной политики построена на воспроизводстве, реконструировании культурного неравенства через поддержку целевых групп молодежи нормативного образа «правильного» молодого человека. Практики культурного контроля со стороны старших поколений ограничивают возможности инновационного потенциала молодого поколения, а ответная реакция на их применение приводит к воспроизводству различных стратегий уклонения и нейтрализации: от политического нигилизма до активного протеста.

Современное поколение молодежи не является монолитной культурой – это поликультурное поле с размытыми границами слабо дифференцированных субкультур, смешанными стилями потребления и иными культурными практиками, каждая из которых обладает своей логикой и ценностью. Государственная политика, основанная на принципе доминантного контроля этого пространства, не только нарушает принцип «государства для индивида» – она купирует возможности индивидуальной инициативы. Технологическая база прошлого ограничивает возможности коммуникации рамками локального сообщества, поэтому, в целом, стратегия доминирования и социальный протест достаточно просто локализируются через контроль каналов СМИ.

Сегодня развитие средств коммуникации наделяет индивида технологиями прямой и дешевой коммуникации любого масштаба, страничка социальной сети доступна круглосуточно из любой точки мира любому пользователю интернета. Коммуникативные возможности индивида становятся в один ряд или даже сильнее государственных: снижение доверия к официальной информации в случаях оценки противоречивых событий, выборного процесса, крупной катастрофы, действий властей, интерпретации макроэкономических показателей. Ярким примером выступает появление политиков, выстраивающих первоначальный политический капитал через блоги популярных интернет-платформ.

Современные технологии коммуникации, внедренные в массовом масштабе, нивелируют возможности патерналистской методологии регулирования молодежной культуры. Современный молодой человек имеет возможность конструирования элементов идентичности по рациональным критериям привлекательности на культурном рынке: стилевых вариаций поведения, материальных артефактов, мировоззренческих идеалов, гражданских ценностей. Молодежная политика современной России переживает период трансформации, важным направлением является сфера взаимодействия

государства и молодёжи как социальных акторов, а также развитие института молодёжных общественных объединений как субъекта молодёжной политики. Молодежная политика как один из акторов этого пространства служит не только политическим интересам отдельных групп, но важна и в социетальной перспективе. Разработанный в русле социологической методологии взгляд на молодёжную политику как социетальную систему формирования коллективной молодёжной идентичности в контексте культурной гибридизации позволит предложить актуальные принципы государственной молодёжной политики, направленной на создание социальной инклюзии в контексте молодёжного поколения и прогнозируемых культурных трендов.

Молодежь. Категория молодёжь обычно понимается как наиболее активная социально-возрастная группа, играющая центральную роль в общественном воспроизводстве, как в демографическом, так и культурно-социальном планах [1, 47-52]. Она является сложной, неоднородной, социально-дифференцированной группой, её влияние на остальное общество проявляется неоднозначно.

Проявления молодёжной активности, направленной на социальные перемены, находят своё отражение в истории большинства культур. Переходя на макросоциальный уровень, они инициировали социальные изменения, во многом предопределявшие дальнейший ход развития событий. Наиболее яркие и исторически значимые формы молодёжная активность принимает в XIX веке во времена Великой Французской Революции, движения народников в России, а в начале XX – революционные события в России и Китае, революция в Германии 1918-1919 гг.

Одними из первых молодёжь как отдельную социальную категорию стали рассматривать исследователи Чикагской школы Р. Парк, А. Коен. Их работы были связаны с актуальной тогда проблематикой молодёжных криминальных банд. Тогда же зародилось и понятие молодёжной субкультуры, которое описывало специфику делинквентных сообществ и объясняло мотивацию участия в них молодёжи [2]. В 1945 году американский социолог Т. Парсонс концептуализировал структурно-функционалистское понимание молодёжной культуры, как «специфичной и уникальной, мощной культуры молодых людей в возрасте от 13 до 18 лет» [3, 575-576].

Развитие структурно-функционалистского взгляда на молодёжную культуру продолжил Ш. Айзенштадт, рассматривающий её как временную среду, в которой протекает процесс социализации – то есть вхождения в социальную среду, перехода индивида из положения зависимого от семьи к статусу самостоятельного взрослого [4, 270]. При этом социальный статус молодых людей признаётся маргинальным, поскольку, с одной стороны, они ещё зависимы от взрослых, а с другой – уже стремятся к независимости [5].

Проблематизированное понимание молодёжной активности (криминальной и протестной) рассматривается в конце 1960-х годов в работах Д. Рисмана [6] (субкультура как протест, основанный на более глубокой рефлексии бездумно потребляемых большинством элементов массовой культуры) и Д. Хебдиджа [7], ставших классическими в теории исследования молодёжной культуры. Субкультура стала представляться как общность людей, выбравших альтернативные общепринятым стандартам модели поведения.

Более поздние авторы из Бирмингемского центра культурных исследований окончательно депроблематизировали категорию молодёжных субкультур, предложив принцип тотальной множественности. Представители этой школы, на основе эмпирических исследований субкультур школы и улиц Лондона показали субкультуру как механизм протеста господствующей культуре [8].

Современные идеи в теории субкультур, фактически, выводят это понятие за классические рамки, установленные авторами Бирмингемского центра современных культурных исследований. Наиболее свежие концепции говорят о том, что субкультурные границы, четкость которых являлась основой классического разделения на «мейнстрим» и «субкультурщиков», фактически, исчезают. К примеру, концепция неотрайбализма, развиваемая в работах М. Мафессоли, А. Беннета, показывает, что процесс формирования современных сообществ молодёжи основан скорее на общности образа жизни и мировоззренческих позиций, опосредованных общими практиками потребления и времяпрепровождения (к примеру, участия в клубных тусовках) [9, 128], тогда как мотивы укрепления индивидуальности, четкого следования стилю референтной группы, заявления протеста массовой культуре потеряли свою актуальность. Новые сообщества по мотивационной основе схожи с племенами варваров – отсюда возник и сам термин «неотрайбализм».

Эти сообщества «текучи», участие в них не требует от индивида строгого соответствия каким-либо стилевым шаблонам. Поэтому современные исследования в субкультурной теории зачастую оперируют понятием постсубкультур – как «мягкой» версии классических субкультур с жесткими границами. Происходит индивидуализация биографий, отражающаяся, в том числе, в среде рабочей молодёжи [10, 1428].

Глобализация. Глобализация как многогранный теоретический конструкт, имеет спорные моменты уже в самом факте своего существования. Сама идея совсем не нова – как известно, еще Диоген использовал термин космополии, то есть – общества всего мира. В современной социологической науке теория глобализации начинается уже в XIX веке в работах К. Маркса, который под этим термином понимал процесс интеграции и унификации экономических отношений разных стран [11, 192]. Однако, последующее развитие концепций глобализаций прошло через определенные критические точки.

Прежде всего, возникло сомнение в самом существовании глобализации как эмпирического феномена. Вопрос прост – а не является ли глобализация очередным термином, сконструированным для удовлетворения научного стремления к рационализации, нежели описания социальной реальности? Перекладывая его на эмпирические рельсы, возникает следующий – а какую долю реальных событий описывает категория глобализации? Решение во-многом связано с еще одной проблемой – а как определить границу между аутентичными явлениями и влиянием глобальной культуры? Кроме того, глобализация как мета-дискурс связана с фундаментальным вопросом легитимности постмодернистской социальной теории – можно ли описывать современное общество через настолько обширные понятия, или это очередной модернистский редукционизм [12, 541-542]?

Научное многообразие точек зрения, шлейф околонучных популистских лозунгов, глобальность и трудности четкого эмпирического выявления превратили эту идею из объективной научной теории в субъективное мировоззрение исследователей/политиков/обывателей. Ключевым свойством глобализационно-ориентированного взгляда на мир У. Бек считает отход от логики контейнерной схемы общественного устройства [13, 47-48], которая видит общество подчиненным надструктуре государства-нации. В этой картине дифференцирование обществ проводится по границам национальных государств (к примеру, немецкое, французское или российское общество), а общественные отношения подчинены дисциплинирующему воздействию государственной власти. Государство своей властью унифицирует разнородный хаос локальных процессов, представляя для общества своего рода контейнер, формирующий, в том числе, территориальное единство [13, 49].

Глобализация как мировоззрение противостоит подобной контейнерной логике восприятия общества, размывая в культурном и социальном плане территориальные границы государств. Фактически, государство превращается из надструктуры, определяющей границы общества, в лишь одну из субструктур, выполняющей административные функции на определенной территории. Глобализация отделяет национальные смыслы («немецкое», «русское» или «американское») от территориально-государственного контекста. Более ясное понимание глобализации требует некоторого уточнения понятий, зачастую коннотирующих с этим термином.

Ключевой предпосылкой возникновения глобализации является появившееся свойство *глобальности* социальных отношений. Это означает, что область интересов наиболее крупных структур, как и глубина социальных отношений охватывает территорию всей планеты. Транснациональные и национально-государственные акторы действуют в условиях конкуренции, мир становится полицентричным и все более многомерным. Глобальный рынок сформировался без создания глобального государства, что, по мнению Дж. Урри, возникновению эпохи глобально дезорганизованного капитализма [14, 5], в которой мы сейчас живем.

Глобализация является процессом, в котором локальные акторы взаимодействуют с транснациональными в социальном, политическом и экономическом измерениях. У. Бек предлагает измерять глобализацию через три основных показателя: расширение в пространстве; стабильность во времени; и плотность транснациональных сетей связи [13, 28]. Современное состояние отличается от предыдущих эпох тем, что все эти параметры на порядки выше прошлых

Дж. Урри рассматривает глобализацию несколько иной, более «культурологической» перспективе. По его мнению, этот процесс протекает по пяти основным направлениям: 1) глобализация стратегий транснациональных корпораций, которые выходят за рамки одного государства; 2) глобализаций имиджей, наглядно демонстрируемая в рекламных роликах; 3) глобализация идеологий; 4) глобализация политической мобилизации, проявляющаяся в постулировании ряда проблем в качестве глобальных; 5) глобализация русел («scapes») потоков. Под «руслом» понимается технологическая канва (транспортная сеть, глобально-информационная система и тому подобное), возникающая между двумя субъектами, по которой происходит перемещение материальных и нематериальных объектов, формируя поток. Выходя за рамки государственных образований, потоки приводят к реорганизации капиталистических сообществ. Административно-бюрократические основы социального порядка уступают место информационно-коммуникационным, создавая уже упомянутый нами выше глобаль-

но дезорганизованный капитализм, размывая традиционные границы локального и глобального [15, 200-201].

Дж. Урри развивает идею «государства-садовника», практически синонимичную концепции «государства-контейнера» У. Бека. В этой метафоре государство через три ветви власти регулирует общество, словно сад, и включение индивида в то или иное общество определяется гражданством. Социология подчинена государству в том смысле, что её задачей служит разработка наиболее оптимальных путей ведения «садоводства» [15, 202]. Урри, как и Бек, отмечает, что глобализация демонтирует эту логику, поскольку выносит общество за рамки национального государства.

В рамках нашей работы под *глобализацией* мы будем подразумевать только лишь культурный аспект этого явления – то есть объективный процесс взаимопроникновения глобальной и локальной культур. В теоретическом плане это понятие зачастую определяется через термины инкультурации, адаптации, интеграции, дифференциации, конвергенции. Однако, каждый из этих терминов выделяет лишь некоторый аспект глобализации. Далее мы представим модель глобализации, теоретический базис которой составляют понятия культурного потребления, отрицания и адаптации, однако перед этим необходимо сделать несколько уточнений по поводу содержания понятия глобальной культуры, как и культуры вообще.

Наиболее общее определение культуры – это все знания и материальные предметы, которые были созданы человечеством. Классическая социологическая интерпретация культуры дана Э. Тейлором – это «знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества» [16, 18]. В нашей работе под культурой мы будем понимать конструктивистскую интерпретацию – это объективированное знание, разделяемое какой-либо группой людей.

В качестве глобальной культуры нередко рассматривают культуру западного общества, в частности, американскую [12, 499]. Этот тезис относителен, поскольку глобальная культура является конструктом, индивидуально образуемым здесь-и-сейчас в каждом обществе и, более узко, социальной группе. К примеру, большинство молодёжи города Саратова не имели контактов с носителями американской культуры, хотя бы вследствие языкового барьера. Несмотря на это, в данной социальной группе существует конструкт глобальной культуры, созданный посредством различных СМИ (под СМИ мы понимаем, как традиционные средства массовой информации, так и Интернет).

Таким образом, процесс глобализации в среде саратовской молодёжи протекает на основе уникального, формируемого на локальном уровне конструкта глобальной культуры. Кроме того, молодёжная культура структурируется различными культурными стилями, каждый из которых нацелен на свою референтную группу. Иными словами, в процессе конструирования своей идентичности молодой человек выбирает лишь отдельные элементы глобальной и локальной культур.

Социальные сети, электронная почта, видеочаты и другие средства интернет открыли уникальные возможности установления и поддержания социальных отношений [17]. Распространяются культурные влияния снизу-вверх – сопротивление глобальному либо восприятие и присвоение глобального явления внутри локальных сообществ. Для обозначения такого взаимодействия глобального и локального Р. Робертсон ввел понятие глокализации. По существу – это процесс смешения глобальной и локальной культур, формирующих уникальный культурный микс [18, 98]. Исследование содержания и механизмов этого локального процесса являются ключом к формированию алгоритмов его регулирования, которые, как мы дальше покажем, являются основой современной государственной молодёжной политики.

После 1930-х годов общественно-политический дискурс глобализации окрашивается в негативные оттенки. Прежде всего, это связано с изменениями в экономической сфере – в этот период крупные участники мировой экономики начинают активно вводить элементы протекционизма в свои торговые политики [19]. Отрицание внешних влияний становится частью стратегической реакции государства на глобализацию во всех сферах общества.

В культурном аспекте глобализации протекционизм встроен в самую сущность культуры. Консервативная реакция на импортные культурные элементы, подкрепленная институционализированной информационной блокадой, являлась и является основой различных авторитарных режимов. Однако, современные информационные технологии, ценности индивидуальной свободы и другие неотъемлемые элементы развитого общества, нивелируют возможности жесткого институционального контроля.

Поэтому, разработка современной социальной, и, в частности, молодёжной политики государства требует использование более развитой модели регулирования глобализации, нежели простое отрицание. В нашей работы в качестве такой модели мы используем теорию гибридации, предложенную американским исследователем постсоветского пространства Дугласом Блумом.

Основные положения своей концепции Д. Блум изложил в работе «National Identity and globalization» [20]. На основе масштабного эмпирического исследования в трех крупных городах СНГ: Астрахани, Алма-Ате и Баку, обосновывает теорию о структуре процесса культурной глобализации в молодежной среде. Свою теоретическую модель он называет гибридизацией.

Здесь глобализация представляется как процесс перемещения знаний и культурных практик, его реализующих, между глобальной и локальной культурами. Этот процесс двусторонний – то есть, как элементы глобальной культуры внедряются в локальную, так и, наоборот, локальные практики становятся частью конструктора глобальной культуры. Примером может служить практика ношения дредов, пришедшая в глобальную культуру из локальной культуры африканских народов.

Процесс внедрения элементов глобальной культуры в локальную Д. Блум называет гибридизацией, поскольку он состоит из трёх взаимодополняющих друг друга тренда: поглощения элементов глобальной культуры; отрицания элементов глобальной культуры; адаптации элементов глобальной культуры через смешивание с элементами традиционной. В результате этого получается гибрид локальной и глобальной культур в каждом конкретном локальном контексте.

Государство как крупный игрок, как в экономическом, так и в политическом плане играет основную роль в управлении гибридизацией на своей территории. Ключом к решению этой задачи является грамотное использование этих трех аспектов гибридизации. Блум приводит пример Северной Кореи, в которой аспект отрицания (в виде полного закрытия государством каналов культурного обмена и пропаганде отчужденности страны от остального мира) глобальной культуры принял гипертрофированный вид, что привело к почти полной эксклюзии этой страны из мировой арены. Противоположным примером Блум приводит Японию, которая после Второй мировой войны сумела создать собственный сбалансированный гибрид локальной японской и глобальной европейской культур, что не только позволило ей успешно экономически интегрироваться в мировое сообщество, но и способствовало глобальному распространению японской культуры. Блум определяет такую эффективную концепцию государственного управления как *стратегический ответ государства на гибридизацию* [20], в противовес неструктурированной реакции.

Эффективное управление всеми аспектами гибридизации позволяет государству выполнять самые разные задачи – от легитимации существующей власти до протекционизма национальной культуры и обеспечения необходимого уровня суверенитета. Здесь ключевыми структурами, влияющими на течение процесса гибридизации, является молодежная политика.

В итоге, проблематика молодежной политики находится в пересечении трех задач. С одной стороны, в современной молодежной среде конструирование гражданской идентичности с помощью классических механизмов: традиций, общей морали и социализационной нормы, – стало неэффективно в связи с развитием ценностей индивидуализма, биографии выбора, атомизации принятых форм коллективного взаимодействия в молодежной культуре. С другой стороны, государству необходимы механизмы регулирования культурной среды в контексте культурной гибридизации, формирования элементов гражданской идентичности. С третьей – эти механизмы, как и всю стратегию молодежной политики, необходимо разрабатывать с учетом долгосрочного прогнозирования поколенческого изменения культурных трендов среди молодежи.

Концептуальное решение этих комплексных задач состоит в использовании нового взгляда на молодежную политику как: основывающейся на субъект-субъектной модели отношений государства и молодежи; являющейся механизмом стратегического ответа государства на гибридизацию; направленной на конструирование гражданской идентичности молодежи; разрабатываемой с учетом прогнозирования изменений культурных трендов среди молодежного поколения на долгосрочный период. Инклюзивная институциональная культура – основа их реализации, а значит и принцип методологии конструирования стратегии государственной молодежной политики. С другой стороны, инициативная культурная инклюзия – это целевой элемент гражданской идентичности молодежи, конструируемый молодежной политикой.

В заключение отметим, что назрела необходимость концептуального пересмотра государственной молодежной политики. Глобализация культуры нивелирует эффекты традиционных методов в форме лозунгов и демонстративных акций. Вложения в административные механизмы существующей молодежной политики практически не конвертируются в позитивные культурные эффекты. Принцип активной инклюзии, повседневность в практической работе, изучение богатого советского и зарубежного опыта работы с молодежью уже могут войти в содержание обновлённой стратегии государственной молодежной политики России.

Исследование проведено в рамках проекта РГНФ № 14-23-01012 «Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и Республики Беларусь», 2014-2015, руководитель проекта – В.Н. Ярская-Смирнова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. 2-е издание. М.: Наука. 2003. 232 с.

2. Cohen A. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. Glencoe, IL: Free Press, 1955. 198 p.
3. Heilbrunner O. From a culture for youth to a culture of youth: recent trends in the historiography of western youth cultures // Contemporary European History. 2008. Vol. 17. № 4. P. 575-591.
4. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age groups and Social Structure. Glencoe, IL: The Free Press, 1956. 357 p.
5. Омельченко Е.Л. Краткий обзор отечественных и зарубежных теорий молодежи [Электронный ресурс] // Социология: методологическая помощь студентам и аспирантам. Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-02-19-29-29>.
6. Riesman D. Listening to Popular Music // American Quarterly. 1950. Vol. 2. № 4. P. 359-371.
7. Hebdige D. The function of subculture // The Cultural Studies Reader / ed. S. During. 2nd ed. New York: Routledge, 1999. P. 441-450.
8. Холл Ст., Джефферсон Т. Соппротивление через ритуалы. Молодежные субкультуры в послевоенной Англии // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН, 2000. С. 150-151.
9. Bennett A. Popular Music and Youth Culture: Music, identity and place. London: Macmillan, 2000. 223 p.
10. Walker C. Managing vocational education and the youth labor market in post-Soviet Russia // The International Journal of Human Resource Management. 2006. vol. 17. № 8. P. 1426-1440
11. Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух / пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2008. 406 с.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб: Питер, 2002. 688 с.
13. Бек У. Что такое глобализация? / Пер с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс, Традиция, 2001. 304 с.
14. Lash S., Urry J. The end of the organized capitalism. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987. 383 p.
15. Тысячнюк М.С. Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 4. № 4. С. 200-208
16. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. М.: Издательства политической культуры, 1989. 573 с.
17. Дженкинс Р. Глобализация и идентичность: теоретический обзор // Человек, сообщество, управление. 2007. № 4. С. 81-94.
18. Beyer P. Globalization and Glocalization // The SAGE Handbook of the Sociology of Religion. Sage Publications Ltd.: London, 2007. 746 p.
19. Keynes J.M. National Self-Sufficiency [Электронный ресурс] // The Yale Review. 1933. Vol. 22. № 4. P. 755-769. режим доступа: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/interwar/keynes.htm>.
20. Blum D.W. National identity and globalization: youth, state and society in post-Soviet Eurasia. New York: Cambridge University Press. 2007. 240 p.

Медведев Кирилл Евгеньевич –
кандидат социологических наук,
социолог Социологического центра
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А.

Medvedev Kirill Evgenyevich –
Ph.D., Sociologist
Center for Sociology,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Статья поступила в редакцию 10.09.14, принята к опубликованию 25.12.14